

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ

VII Международной научной конференции

28–29 октября 2010 года

Харьков
ООО «НТМТ»
2010

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Э. Кулинич*

П78 **Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.).** — Харьков: ООО «НТМТ», 2010. — 96 с.

ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2008 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.10.2010. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Колектив авторів, 2010

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ

VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2010 року

Харків
ТОВ «НТМТ»
2010

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Е. Кулинич*

П78 **Проблеми історії та археології України: Матеріали VII Міжнародної наукової конференції (Харків, 28–29 жовтня 2010 р.).** — Харків: ТОВ «НТМТ», 2010. — 104 с.
ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2010 року

Відповідальний за випуск *С. В. Дячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.10.2010. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИНДИКАТОРОВ СРЕДИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ АРХАИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Великая греческая колонизация, которая на позднем своем этапе охватила и Северное Причерноморье, привела к активному контакту культур эллинов и варваров. Взаимоотношения греческих колоний и варварских племен носили различный характер, но зачастую они приводили, кроме культурного влияния, к определенному этническому смешению. Варвары быстро воспринимали достижения античной цивилизации, включая в свой обиход множество греческих изделий. Значительные последствия имело распространение среди варваров, благодаря грекам, употребления вина. Эллины, в первую очередь, начинали использовать скифское вооружение. Все это привело к появлению в числе погребального инвентаря многих категорий изделий, которые носили надэтнический характер. Это привело к трудностям при этнокультурной идентификации некоторых погребений.

Попытки выделить в архаическом и классическом некрополе Ольвии скифские захоронения предпринимались неоднократно. К варварским относили погребения с оружием скифского типа, скорченные погребения. На сегодня данные черты погребальной обрядности не могут быть признаны исключительно варварскими. Кроме того, к не эллинским этнокультурным индикаторам были также отнесены каменные блюда, красная краска, кости животных, оселки и, в меньшей степени, окрашивание костяка, сожжение деревянных конструкций, ножи, пряслица, зеркала, шилья, иглы, несколько перстней, лепная керамика.

К сожалению, в данных работах не было сделано попытки выделить изделия, характерные лишь для погребального обряда греков. В первую очередь к эллинским следует отнести захоронения с терракотами. Также характерной чертой греческого погребального ритуала является положение в могилу или у нее сосудов для масел и благовоний. И если с последней четверти V в. до н. э. лекифы активно используются скифами при погребении, то для второй половины VI—первой половины V в. до н. э. кольцевидные сосуды, высокие цилиндрические лекифы для скифских захоронений не характерны. Их единичные находки в Лесостепи можно связывать с присутствием незначительного числа греков (преимущественно женщин),

либо с использованием их в редчайших случаях скифами. Кольцевидные сосуды, как считала В. М. Скуднова, являлись просто более дешевым эквивалентом лекифов. В Ольвийском некрополе кольцевидные сосуды найдены во многих погребениях с оружием, что позволяет их считать греческими. Погребения с наборами астрагалов также следует соотносить с эллинскими, хотя они известны в скифских могилах.

Анализ инвентаря греческих захоронений позволяет исключить из списка исключительно варварских индикаторов предметы вооружения, лепную посуду, точила, оселки и плоские камни, пряслица, кости животных, красную краску, иглы, ножи, деревянные конструкции. Собственно каменные плиты-блюда упоминаются всего 4 раза и лишь одно сфотографировано.

В качестве скифского этнокультурного индикатора по-прежнему может служить сочетание в одном погребении каменного блюда и зеркала. К подобным погребениям были отнесены и все захоронения, в которых упоминаются плиты-блюда, точила, плиты и плоские камни, камни-терки и другие подобные изделия из камня, что привело к значительно завышенному количеству скифских могил.

Скифскими этнокультурными индикаторами, помимо каменных блюд, следует считать ворварки, поскольку они не характерны для греческой одежды или амуниции. В архаическом некрополе Ольвии ворварка найдена лишь один раз и четырежды они были зафиксированы в захоронениях второй половины V в. до н. э. Скифскими следует считать воинские погребения с крестовидной бляхой и секирой. Часть захоронений с оружием можно отнести к варварским условно, поскольку в них не найдены изделия, характерные для греческого погребального обряда, о которых речь шла выше.

Таким образом, ревизия скифских этнических индикаторов позволяет предположить варварскую принадлежность 13 захоронений, что составляет около 4 %. Важно подчеркнуть, что данный удельный вес скифских захоронений практически совпадает с количеством лепной керамики в слоях второй половины VI—V вв. до н. э. Ольвии.

ГРЕЧЕСКОЕ ИМЯ ЭПИКРАТ В ОНОМАСТИКЕ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

На сегодняшний день вопрос о семейных связях и социальном положении греческой аристократии Боспора в период правления Спартокидов остается малоизученным. Seriously продвинуться в изучении этого вопроса может помочь анализ ономастики боспорских эпиграфических надписей соответствующего периода. Одним из боспорских имен, заслуживающих отдельного рассмотрения, является греческое имя Эпикрат. Это имя было широко распространено в эллинской ономастике (LGPN, I, p. 157; II, p. 148–149; III, A,

p. 147) и особенно популярно в среде ионийской аристократии. Этимология данного имени, очевидно, связана с понятием «ἐπικρατής» — «сильный, мощный, победоносный». В боспорской эпиграфике имя Эпикрат встречается несколько раз, причем только в памятниках, относящихся к IV—III вв. до н. э. Среди боспорских надписей, в которых упоминается данное имя, наибольший интерес вызывает горгишпийский агонистический каталог первой половины III в. до н. э., являющийся самым обширным боспорским списком

имен эпохи Спартокидов (КБН, 1137). В этом каталоге упоминается шесть человек с именем или патронимиком Эпикрат. Пятеро агонистов, имевших патронимик Эпикрат, становились победителями этих состязаний в достаточно узкий временной промежуток — всего 12 лет отделяет первого из них, Синда, от последнего, Аполлония. Судя по характерным именам, по крайней мере, двое из них, Синд, сын Эпикрата, и Эпикрат, сын Эпикрата, могли быть сыновьями еще одного участника горгиппийских агонов — Эпикрата, сына Синда. Этому соответствует и примерно 20-летний хронологический промежуток между победами в горгиппийских соревнованиях Эпикрата, сына Синда, и двух его предполагаемых сыновей. Кроме горгиппийской надписи, Эпикраты упоминаются еще в двух боспорских памятниках лапидарной эпиграфики: житель Боспора с именем Эпикрат и несохранившимся патронимиком известен по списку имен из Нимфея (КБН, 912, III, 5; III, 12), а Эпикрат, сын Эпикрата, один из горгиппийских агонистов, упоминается также в посвянительной надписи Гераклу времени правления Перисада II, найденной в Темрюке на Азиатской стороне Боспора (КБН, 1036). Имя Эпикрат известно и по клеймам на боспорских черепицах IV в. до н. э., а также упоминается в агораномной надписи на контрольной весовой гире из Нимфея, которая, предположительно, датируется первой половиной III в. до н. э.

Все упоминания имени Эпикрат в боспорской эпиграфике относятся к достаточно узкому хронологическому периоду (вторая половина IV—первая половина III вв. до н. э.), и поэтому данное имя, вероятно, использовалось преимущественно в рамках одной семьи. В качестве примера, подтверждающего это предположение, можно использовать материалы эпи-

графики крупнейшей боспорской метрополии — Милета. В этом ионийском полисе вплоть до римского времени сохранялась устойчивая традиция наследования родовых имен в среде аристократии. В частности, все случаи упоминания имени Эпикрат в списках милетских эсимнетов мольпов в IV—III вв. до н. э., а затем и в I в. до н. э., были связаны с историей лишь одной аристократической семьи, в рамках которой это родовое имя переходило от отца к сыну (Milet, I, 3, 122; 123; 124; 125; 126). Традиция наследования родовых имен существовала и в боспорских аристократических семьях, что было прослежено В. П. Яйленко на примере рода Фениппов-Федимов-Артемонов, известного по посвянительным надписям и спискам имен IV—III вв. до н. э. Использование подобного подхода к исследованию эпиграфических надписей, в которых упоминается имя Эпикрат, позволяет выдвинуть предположение о близком родстве большинства известных нам жителей Боспора с этим именем.

Таким образом, благодаря анализу ономастики, отраженной в боспорских эпиграфических надписях, мы можем проследить историю одной из семей, которая обладала значительным влиянием в среде местной греческой аристократии. В IV—III вв. до н. э. боспорские Эпикраты владели керамическим эргастерием, избирались на должности полисных магистратов, активно участвовали в горгиппийских агонах и, возможно, входили в состав местных религиозных союзов, объединявших высшие слои полисного гражданства. История этой семьи наглядно демонстрирует то большое социальное и политическое значение, которым обладала местная греческая аристократия в боспорском обществе и административной системе в эпоху правления Спартокидов.

А. В. Ивченко (Киев)

ДВА НОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ С ПОЗДНЕХИОССКИМИ АМФОРАМИ

В 2008 г. на раскопах «Северный мыс 2» и «Северный мыс 1» некрополя Ольвии было открыто два погребения (№ 4 и № 6 соответственно), сопровождаемых амфорами хиосского производства поздних типов. Оба захоронения представляли собой земляные склепы, состоявшие из продольного наклонного дромоса и погребальной камеры, которые были ограблены и частично разрушены. Несмотря на это, оба комплекса дали достаточно представительный материал.

Склеп № 4 был ориентирован погребальной камерой на северо-запад. Длинные оси дромоса и камеры совпадают. Судя по его сохранившимся частям, продольная ось дромоса была ориентирована не по центру камеры, а смещена к северу и дромос соединялся с камерой по северной стене. Камера имела трапециевидную, почти квадратную форму и аркообразный свод с максимально прослеженной высотой в 1,45 м.

Склеп № 6 был ориентирован камерой на юго-запад. Дромос по отношению к камере расположен несимметрично, сдвинут к юго-востоку. Камера имеет прямоугольную форму, ориентирована по линии

северо-запад — юго-восток, поперек длинной оси дромоса. Свод слегка дугообразный. Его высота составляла 1,0–1,16 м.

На дне каждой из камер выявлено по два костяка, лежавших вдоль стен, ориентированных по длинной оси дромоса. Они располагались вытянуто на спине, головой ко входу, параллельно друг другу. Под каждым из костяков сохранились следы плотной органической подстилки темного цвета. По краям подстилок прослеживались фрагментированные остатки дерева. В изголовье и ногах каждого из погребенных (кроме северного погребения склепа № 4) было сделано по поперечному углублению для основания погребального ложа.

В обоих погребениях зафиксировано значительное количество погребального инвентаря, как при костяках, так и по всей площади дна камеры. В склепе № 4 один захороненный сопровождался двумя бронзовыми монетами, а в склепе № 6 один — двумя, а второй — одной.

Датирующий материал из склепа № 4 в целом относится к III—II, II в. и III—первой четверти I вв. до